

*Посвящается маме, которая, к счастью,
совсем не похожа на матерей,
описанных в этой книге*

Всегда есть две смерти: настоящая и та,
о которой людям известно.

Джин Рис, «Антуанетта»

A decorative rectangular border with intricate floral and leaf patterns, framing the title text.

ЧАСТЬ I

ДЖЕЙН

— 1 —

ФЕВРАЛЬ

Погода для прогулки сегодня выдалась самая дерьмовая из всех возможных.

Дождь льет все утро, из-за чего моя поездка из Сентер-Пойнта в Маунтин-Брук превращается в сущий кошмар. Когда я выхожу из машины на подъездной дорожке Ридов, мои джинсы тут же намокают снизу, в кроссовках начинает хлюпать, и я оставляю мокрые следы на мраморном полу в фойе.

Миссис Рид, удерживающая на поводке своего пса по кличке Медведь, делает чересчур сочувствующее лицо, чтобы показать, насколько неловко ей посылать меня под дождь этим понедельничным утром. Вот что важно — выказать свое сочувствие, но все равно ждать исполнения работы.

Выгуливая собак в районе Торнфилд-Эстейтс почти целый месяц, я определенно поняла одно: самое главное — создать *видимость*.

Миссис Рид только *с виду* сочувствует. Она *выглядит* так, словно ей абсолютно не нравится мысль, что я должна выгуливать ее колли, Медведя, в такой холодный и ненастный день в разгаре февраля. *Кажется*, ей на самом деле не наплевать на меня как на личность.

На самом деле, конечно, ей плевать, и это нормально. Правда. Не то чтобы мне на нее не наплевать — тут все взаимно. Поэтому я улыбаюсь, одергивая низ своего плаща цвета хаки.

— Готова ко всему, — говорю я ей, принимая поводок Медведя.

Мы стоим в парадном вестибюле дома Ридов; слева подпирает стену огромное, обрамленное в раму зеркало, в котором отражаемся мы с миссис Рид и Медведь, который уже рвется к двери; там же — выдавший виды деревянный стол, на котором красуется чаша с сухой ароматической смесью, а также пара бриллиантовых сережек-колец, небрежно брошенных сюда миссис Рид прошлым вечером, когда она вернулась после посещения какого-то благотворительного мероприятия. Я обратила внимание, что благотворительные мероприятия среди жителей этого района очень популярны, хотя мне так и не удалось понять, для чего они на самом деле собирают деньги. Приглашения, которые я замечала лежащими на журнальных столиках или прикрепленными к дверцам холодильников магнитами, содержали в себе винегрет из призывов к добродетели. *Дети, избитые женщины, бездомные, обездоленные* — все это различные эвфемизмы для слова «бедные». Неизвестно, что миссис Рид поддерживала прошлым вечером, но это еще одна вещь, которая меня на самом деле не волнует.

И я не позволяю себе задержать взгляд на серьгах.

Ощущая гладкий поводок Медведя в своей ладони, я слабо машу миссис Рид на прощание и выхожу на широкое переднее крыльцо. Старые кроссовки тут же слегка разъезжаются на окрашенном цементе, скользком от влаги. Услышав, как за спиной закрылась дверь, я невольно погружаюсь в мысли о том, чем займется этим утром миссис Рид, пока я буду выгуливать ее собаку. Выпьет еще чашечку кофе? Закусит «Ксанаксом»?¹ Распланирует очередную благотворительную акцию?

Или, быть может, какой-нибудь торжественный завтрак по сбору средств для детей, не умеющих ходить на яхте.

Дождь немного стихает, но утренний холод никуда не уходит, и я жалею, что не захватила перчатки — руки выглядят ободранными и потрескавшимися, костяшки сильно покраснели. На коже между большим и указательным пальцами правой руки виднеется светло-розовый ожог — памятный подарок, полученный в последний день моей работы в кофейне «Жареное зерно» в Маунтин-Брук-Виллидж. Я напоминаю себе, что выгуливать собак — отстойное занятие, но, по крайней мере, оно не грозит получением ожогов второй степени.

Медведь натягивает поводок, желая обнюхать каждый почтовый ящик, мимо которого мы проходим; я позволяю ему тащить меня за собой, больше размышляя о домах и о районе, чем о своем подопечном. За каждым из этих элитных особняков находится покрытый густой травой двор, так что вряд ли вообще кому-то из жильцов может понадобиться выгул собак. Но слово «*нужда*» не подходит здешним людям. Здесь уместна лишь «*прихоть*».

¹ «Ксанакс» — наркотик, лекарство, призванное лечить депрессии, неврозы и т.д. (Здесь и далее прим. пер.)

Вот для чего все эти дома.

Миссис Рид живет вдвоем с мужем на Магнолия-Корт, в доме с восемью ванными комнатами и семью спальнями, с официальной гостиной и семейным кабинетом, с комнатой отдыха наверху и «кабинетом для джентльменов». Насколько я могу судить, каждый дом в Торнфилд-Эстейтс похож на этот. Мне удалось побывать уже в четырех таких, потому что, само собой, как только кто-то из соседей нанимает человека для выгула собак, всем остальным тут же нужно — *хочется* — того же. Для Ридов я выгуливаю Медведя, а теперь взяла на себя заботу и о далматинце по кличке Мэри-Бет — питомце семьи Макларенов с Примроуз-лейн. Есть еще живущие на Оуквуд Кларки со своими ши-тцу Майором и Полковником, а Трипп Ингрэм с Мейпл-уэй недавно нанял меня выгуливать лабрадора его покойной жены — Харпера.

В общем, это неплохая работенка, уж получше, чем в «Жареном зерне». Здесь люди по-настоящему смотрят мне в глаза, потому что хотят доказать себе, что не являются мудаками, раз напрямую обращаются к «помощнику» по имени. «Джейн — почти как член семьи», — вероятно, говорит миссис Рид другим дамам в загородном клубе, и все они издают жеманные звуки согласия и выпивают еще по одной «кровавой Мэри».

Мои кроссовки поскрипывают, пока я иду по тротуару, погруженная в мысли о своей квартире, о том, что потолок, наверное, снова протекает в том самом месте на кухне, где темнеет пятно, чуть более грязно-серое на фоне остального грязно-серого цвета. Это дешевая квартира не в самой ужасной части города, но порой мне кажется, что я живу в маленькой бетонной коробке и от серого цвета никуда не деться, как ни украшай

комнату плакатами из «Таргета» или красивыми покрывалами, выбранными в благотворительных магазинах.

В Торнфилд-Эстейтс нет ничего грязно-серого. Трава здесь всегда зеленая, вне зависимости от времени года, и в каждом доме цветочные горшки, или наружные ящики для растений, или огромные цветущие кусты. Жалюзи ярко-желтые, темно-синие, бордовые, изумрудно-зеленые. Если где-нибудь и встречается серый цвет, то приглушенного тона и элегантный — *цвет голубинового крыла*, как однажды назвала его при мне миссис Рид. Даже в такой дождливый день, как сегодня, здесь постоянно кипит работа газонокосильщиков, чистильщиков ковров, по подъездным дорожкам туда-сюда снуют фургоны с персоналом для ведения домашнего хозяйства.

Медведь останавливается у бордюра, чтобы помочиться, и я свободной рукой откидываю капюшон с головы. От этого движения холодная дождевая вода стекает по моей шее; дождевик старый, шов с левой стороны порван, но я не могу заставить себя купить новый. Это расходы, без которых, кажется, можно обойтись, и иногда я задаюсь вопросом, заметил бы кто-нибудь из здешних жителей, пропади у них старый плащ. *Слишком большой риск*, напоминаю я себе, но все равно трачу целых две минуты на фантазии о том, как иду по этому району в чем-то элегантном и красивом, в чем-то, способном укрыть меня от холодных струй дождя. В чем-то вроде куртки от «Берберри», которую миссис Кларк повесила у двери на прошлой неделе.

Даже не думай об этом.

Вместо этого я вспоминаю о бриллиантовых сережках миссис Рид: если бы обе пропали, пожалуй, это выглядело бы подозрительно, но одна?.. Одна могла бы

запросто упасть со стола и быть втопанной в ковер в загородном клубе. Или завалиться где-нибудь в кармане.

Медведь останавливается, чтобы обнюхать очередной почтовый ящик, но я тащу его дальше, направляясь к своему любимому дому. Он находится в конце тупиковой улицы и расположен дальше от дороги, чем другие здания. Кажется, это один из немногих домов, вокруг которых не снуют люди; двор такой же зеленый, как и другие лужайки по соседству, но менее ухоженный, а красивые фиолетовые кусты, цветущие перед домом, разрослись слишком сильно, заслоняя собой окна на первом этаже. Это самый большой и высокий дом в округе: два просторных крыла тянутся по обе стороны от основного строения, два дуба стремятся ввысь на лужайке перед входом. Здание явно старше, чем другие дома по соседству, и, вероятно, оно первое, возведенное здесь. Однообразие фасадов в Торнфилд-Эстейтс приводит к тому, что в итоге все дома сливаются воедино. Мне это нравится — лучше уж одна сплошная красота, чем унылая монотонность моей части города, — но есть что-то такое в этом доме, одиноко стоящем в конце глухого тупика, что каждый раз притягивает к нему.

Я выхожу с тротуара на середину дороги, чтобы лучше все рассмотреть. В этой части района всегда так тихо, что мне даже не приходит в голову, что стоять посреди дороги не самое безопасное занятие.

Я слышу звук мотора раньше, чем замечаю машину, но даже тогда не двигаюсь с места. Позже я буду вспоминать этот момент и гадать, было ли это предчувствием, не получилось ли так, что все события в моей жизни вели меня к этому самому месту, к этому самому дому.

К нему.

Почти все автомобили в Торнфилд-Эстейтс одинаковы и являются какой-то моделью роскошного внедорожника. Это практически аналоги домов на колесах — невероятно дорогие и чрезмерно большие. В последнее время я редко обращаю на них внимание, просто машинально отмечаю, что по улицам регулярно проезжают танки цвета шампанского или ночного неба.

Но машина, вылетевшая по подъездной дорожке моего любимого дома, не внедорожник. Это спортивная машина старой модели, с рычащим мотором, цвета алого карамельного яблока, яркая, как кровоточащая рана на фоне пасмурного дня.

Медведь лает, пританцовывая на задних лапах, и я пытаюсь убраться с дороги, но пальцы запутываются в поводке, а бампер машины стремительно приближается.

Асфальт скользкий от дождя, и, возможно, именно это меня и спасает: отступая, я поскользываюсь и падаю, ударившись о землю так сильно, что клацнули зубы. Капюшон накрывает лицо, так что я не вижу ничего, кроме брезента цвета хаки, но слышу визг тормозов, а затем слабый скрежет металла. Медведь лает, лает и лает, нервно прыгая, а кожаный поводок впивается в запястье, заставляя меня морщиться от боли.

— Господи Иисусе! — раздается мужской голос, и я наконец решаюсь отбросить капюшон с лица.

Задняя часть этого великолепного автомобиля теперь упирается в один из причудливых уличных фонарей, расположенных вдоль дороги. Скорость была не-

высокой, но машина такая легкая, что металл смялся, как бумага, и у меня внезапно пересыхает во рту, а сердце тяжело бьется в груди.

Дерьмо, дерьмо, дерьмо. Такая машина стоит больше, чем многие люди зарабатывают за год. При работе в кофейне мне потребовалась бы целая вечность, чтобы накопить хотя бы на первый взнос за что-то подобное, а теперь машина серьезно испорчена, потому что я глазила на дом этого парня, стоя посреди улицы.

Я наконец заставляю себя взглянуть на мужчину, который вышел из машины и теперь стоит, закинув руку на водительскую дверь. Он не похож на других мужчин, которые встречаются в Торнфилд-Эстейтс: те носят рубашки поло и брюки цвета хаки и даже самые молодые и подтянутые из них обладают какой-то мягкостью форм — безвольные подбородки, животы, нависающие над дорогами кожаными ремнями. В этом же человеке нет ничего безвольного или обвисшего. Он одет в джинсы и ботинки, с виду потрепанные, но я-то знаю, что они недешевые. Вся одежда на нем выглядит дорого, даже помятая белая рубашка на пуговицах.

— Вы в порядке? — спрашивает он, делая шаг ко мне. Несмотря на дождь, на мужчине надеты очки-авиаторы, и я вижу в них свое отражение — бледный овал лица на фоне темно-зеленого капюшона.

А когда он снимает очки и небрежно вешает их, зацепив дужкой за воротник рубашки, я вижу, какие пронзительно-синие у него глаза. Три морщинки появляются на его переносице; на меня давно никто не смотрел с такой искренней заботой, и это кажется мне привлекательней хорошей одежды, великолепной машины, идеального телосложения.

Я киваю ему, поднимаясь и дергая за поводок Медведя, чтобы подтянуть поближе.

— В порядке, — отвечаю я. — Мне не следовало стоять на дороге.

Уголок его рта приподнимается, и на щеке появляется ямочка.

— Мне не следовало срываться с подъездной дорожки, как адской летучей мыши.

Он наклоняется и коротким движением почесывает Медведя между ушей. Пес ластится к его руке, высунув язык.

— Полагаю, вы и есть тот самый новый помощник по выгулу собак, о котором все вокруг говорят, — произносит мужчина.

Я откашливаюсь, щеки внезапно вспыхивают.

— Да, — отвечаю я. Мужчина в ожидании смотрит на меня. — Джейн, — выпаливаю я. — Ну... Меня зовут Джейн.

— Джейн, — повторяет он. — В последнее время здесь не часто встретишь девушек по имени Джейн.

Я не спешу рассказывать, что это даже не мое настоящее имя, а имя мертвой девушки из моей прошлой жизни. Мое настоящее имя звучит не менее скучно, но встречается еще чаще, чем Джейн.

— Я Эдди. — Мужчина протягивает мне руку, и яжимаю ее, горько отмечая, какая влажная, должно быть, у меня ладонь, да еще и чуть пониже большого пальца перепачканная грязью с дороги.

— Мне тоже в последнее время встречается не так уж много мужчин по имени Эдди, — отвечаю я, и он смеется. От этого глубокого, согревающего смеха у меня бегут мурашки по спине.

Возможно, именно поэтому в ответ на приглашение Эдди зайти к нему на чашечку кофе я соглашаюсь.

Вблизи дом еще более впечатляющий, чем с улицы. Входная дверь изгибается аркой высоко над нами — отличительная черта всех здешних домов, огромные двери. У Ридов двери в ванную не ниже двух с половиной метров в высоту, что придает даже самым маленьким комнатам величественный и важный вид.

Эдди пропускает нас с Медведем внутрь, и пес тут же отряхивается, разбрызгивая капли воды по мраморному полу.

— Медведь! — восклицаю я и одергиваю его за ошейник, но Эдди только пожимает плечами.

— Полы ведь высохнут быстрее тебя, а, здоровяк? — Одарив пса очередным поглаживанием, он жестом приглашает меня следовать за собой по коридору.

По правую руку стоит тяжелый стол — еще больше мрамора, больше кованого железа — с замысловатой цветочной композицией на нем, и, проходя мимо, я провожу пальцем по лепесткам ближайшего цветка. Они прохладные и шелковистые, чуть влажные на ощупь, значит, цветы настоящие. Мне становится любопытно, неужели Эдди — или его жена, давайте будем реалистами, — обновляет букет каждый день?

Коридор ведет в просторную гостиную с высокими потолками. Я ожидаю увидеть интерьер как у Ридов, весь в нейтральных оттенках, но мебель здесь подобрана яркая и удобная: пара диванов цвета темной клюквы, три кресла с откидными спинками и ярким рисунком — узор на всех разный, но все вместе смотрится отлично. На светлых деревянных полах несколько ковров, тоже пестрых. Два высоких торшера отбрасывают на пол лужицы теплого золотистого света, а камин обрамлен встроенными книжными полками.

— У вас есть книги, — говорю я, а Эдди останавливается и поворачивается ко мне, засунув руки в карманы и приподняв брови.

Кивком я указываю на полки, забитые книгами в твердом переплете.

— Просто... во многих домах есть такие полки, но обычно на них нет книг.

У Ридов на встроенных полках стоит несколько фотографий в рамках, какие-то вычурные вазы, в остальном они просто пустуют. Кларки предпочитают фарфоровые тарелки на маленьких подставках с причудливой серебряной чашей.

Эдди все смотрит на меня, и я не могу понять выражение его лица.

— Вы наблюдательны, — произносит он наконец.

Я не уверена, комплимент ли это, и внезапно начинаю жалеть, что вообще заговорила. Внимание переключается на стену с окнами, выходящими на задний двор. Как и передняя лужайка, он выглядит немного более неряшливым, чем дворы по соседству: трава здесь выше, кусты не подстрижены, но это смотрится красивее, чем типовые газоны. Двор примыкает к лесу, высокие деревья тянутся к серому небу.

— Мы купили землю за этим участком, чтобы не приходилось любоваться задней стеной чужого дома, — поясняет Эдди, проследив за направлением моего взгляда. Он все еще держит ключи от машины, и они позвякивают в его руке. Как по мне, это нервное брнчание не вяжется с остальным его образом.

Я думаю о том, что Эдди только что сказал — *мы*. Огорчаться тут глупо. Конечно, у такого мужчины есть жена. В Торнфилд-Эстейтс нет одиноких мужчин, кроме Триппа Ингрэма, да и тот вдовец. В таких местах холостяки не живут.

— Красиво, — говорю я Эдди. — Уединенно.

Одиноко, в то же время думаю я, но оставляю эти мысли при себе.

Прочистив горло, Эдди отворачивается от окна и идет на кухню. Я следую за ним, волоча за собой Медведя, вода с моего плаща капает на пол.

Размерами кухня не уступает другим помещениям в этом доме: огромный холодильник из нержавеющей стали, кухонный островок из темного гранита и красивые шкафчики кремового цвета. Кажется, все блестит, даже сам хозяин, остановившийся перед кофейной машиной, чтобы заправить в нее капсулу.

— Какой кофе предпочитаете? — интересуется он, стоя ко мне спиной, и я присаживаюсь на краешек табурета, не выпуская из руки поводок Медведя.

— Черный, — отвечаю я. По правде говоря, не очень люблю черный кофе, но в любом кафе он всегда самый дешевый, так что это уже привычка.

— Вижу, вы крепкий орешек.

Эдди посылает мне улыбку через плечо, блеснув голубыми глазами. Щеки у меня вновь вспыхивают. *Женат*, напоминаю я себе, но, когда Эдди протягивает мне чашку кофе, бросаю взгляд на его руки. Тонкие пальцы, ухоженные, с темными волосками возле костяшек.

И никакого кольца.

— Что ж, расскажите мне о себе, Джейн — помощник по выгулу собак. — Эдди отворачивается, чтобы сделать кофе и себе. — Вы из Бирмингема?

— Нет. — Я дую на поверхность своего напитка. — Я родилась в Аризоне и до прошлого года жила в основном на Западе.

Правда, но относительная: мой любимый способ рассказывать о своем прошлом новым знакомым.

Забрав свою кружку с подставки кофейной машины, Эдди поворачивается ко мне и опирается спиной о кухонную тумбу.

— Как же вы здесь оказались?

— Мне хотелось чего-то нового, а здесь живет мой школьный друг, который предложил свободную комнату.

В плетении лжи есть своя хитрость — нужно добавлять к ней правду, хотя бы частичку. Это зацепит людей, а также подкрепит остальную ложь.

Мне хотелось чего-то нового. Это правда, ведь я убежала от чего-то старого.

Школьный друг. Парень, с которым я познакомилась в детском доме после того, как моя последняя история с приемной семьей закончилась плохо.

Кивнув, Эдди делает глоток кофе. Я борюсь с желанием поерзать на стуле, спросить, какого черта он привел меня в свой дом, чтобы поболтать, где его жена, почему он не на работе или куда там он так спешил этим утром. Но Эдди, кажется, нравится просто сидеть со мной на кухне, пить кофе и разглядывать меня, словно он разгадывает какую-то загадку. Я не могу избавиться от ощущения, что сегодня утром разбила голову на дороге и попала в какую-то альтернативную вселенную, где богатые красивые мужчины, похоже, интересуются мной.

— А вы? — спрашиваю я. — Вы родом из Бирмингема?

— Моя жена была оттуда.

Была. Я удерживаю в уме это слово, это напряжение.

— Она, э-э... Она выросла здесь, хотела вернуться, — продолжает Эдди, и его пальцы барабанят по кружке — то же движение, которое я заметила ранее на улице.

Затем он ставит ее на стол и, скрестив руки на груди, прислоняется к кухонному гарнитуру.

— Вы проживаете в Маунтин-Брук? — спрашивает Эдди. Я вскидываю брови, вызывая этим у него смех. — Вас пугают мои вопросы? Похоже на допрос с пристрастием?

Возможно, кому-то так бы и показалось, но мне приятно, что другой человек настолько интересуется мной — не фальшиво и притворно, как миссис Рид, а искренне, по-настоящему. К тому же я предпочла бы сидеть здесь, болтая и попивая кофе в его великолепной кухне, чем выгуливать Медведя под дождем.

Мои пальцы скользят по жилке на мраморе.

— Ваши вопросы почти не пугают, — отвечаю я. — Разве что на один балл по десятибалльной шкале.

— Один балл — это еще не страшно. — Эдди снова улыбается, вызывая щекотку вдоль моего позвоночника. Я улыбаюсь в ответ, слегка расслабившись. — И, кстати, нет, я не проживаю в Маунтин-Брук. Квартира моего друга находится в Сентер-Пойнте.

Сентер-Пойнт — это уродливый маленький городок в двадцати милях отсюда, когда-то входивший в пригород Бирмингема, а теперь превратившийся в пристанище магазинчиков и забегаловок быстрого питания. В нем еще остались приличные кварталы, но в целом он кажется другой планетой по сравнению с Торнфилд-Эстейтс, и это отчетливо видно по выражению лица Эдди.

— Черт, — произносит он, выпрямляясь. — Это довольно далеко отсюда.

Это так, и моя паршивая машина, думаю, в таких поездках долго не протянет, но все окупается возможностью оставить позади уродливое окружение и наслаждаться этим местом с его ухоженными газонами и кирпичными домами. Конечно, было бы разумнее

найти работу в Сентер-Пойнте, как сделал Джон, но, едва переехав, я сразу же начала искать способы сбежать оттуда.

Так что я не возражала против долгих поездок.

— В Сентер-Пойнте не так уж легко найти работу, — говорю я.

Очередная полуправда. Мне предлагали работу: кассиром в «Доллар Джeneral» или в «Уинн-Дикси», уборщицей в спортзале «Сила без жира!», в помещении которого когда-то располагался видеопрокат, — но это была не та работа, которую я хотела. Это не приблизило бы меня к мечте стать другим человеком.

— А мой друг через знакомых помог мне устроиться в местную кофейню «Жареное зерно», и там я встретила миссис Рид. Ну, точнее, сначала я встретила Медведя.

При звуке своего имени собака завиляла хвостом, постукивая им по основанию моего стула, в качестве напоминания, что мне, вероятно, пора уходить, но Эдди продолжает смотреть на меня, и я, похоже, не могу перестать говорить.

— Он был привязан снаружи, и я принесла ему воды. По-видимому, я стала первой, на кого он не зарычал с тех пор, как миссис Рид взяла его, и она поинтересовалась, выгуливала ли я когда-нибудь собак, и вот...

— И вот вы здесь, — пожав плечом, заканчивает за меня Эдди. Движение элегантно, несмотря на его помятую одежду, и мне нравится, что на его губах играет нечто среднее между улыбкой и ухмылкой.

— Да, — соглашаюсь я, и на мгновение он удерживает мой взгляд. Глаза у него лазурные, но окаймленные краснотой, щетина темнеет на фоне бледной кожи.

Дом выглядит ухоженным и чистым, но некоторое ощущение пустоты в нем — и пустоты в глазах Эдди — напоминает мне о Триппе Ингрэме. Я ненавижу вы-

гуливать его собаку, потому что приходится заходить в этот душный дом затворника, где время словно встало на паузу в ту секунду, как умерла жена владельца. И тут я вспоминаю, что жена Триппа умерла не одна: всего полгода назад она вместе с лучшей подружкой погибла в результате происшествия с лодкой. В памяти не отложилось имя подружки, потому что, честно говоря, меня не очень интересовали старые сплетни, но теперь я жалею, что не знаю его.

Была. Он сказал «*была*».

— Но я оторвал вас от работы, едва не задавив на дороге, а потом вывел на болтовню, — говорит Эдди, и я улыбаюсь, поигрывая кружкой в руках.

— Мне нравится болтать. Хотя можно было обойтись и без угрозы для жизни.

Он вновь смеется, и внезапно мне не хочется никуда уходить, я бы с удовольствием осталась здесь и беседовала с Эдди весь остаток дня.

— Еще чашечку? — предлагает он, и я отодвигаю кружку, хотя выпила всего половину.

— Нет, пожалуй, мне пора. Медведя нужно хорошенько выгулять.

Эдди ставит свою кружку в маленькую раковину рядом с кофеваркой. Наверное, такие есть во всех домах, потому что, не дай бог, богатым людям придется сделать лишние три шага, чтобы воспользоваться основной раковиной.

— Сколько собак вы выгуливаете в этом районе? — спрашивает он, когда я соскальзываю с табурета и тянусь за поводком Медведя.

— В данное время четырех, — отвечаю я. — То есть пятерых, ведь у Кларков их две. Получается пять собак, четыре семьи.

— Не могли бы вы втиснуть в свое расписание и шестую?

Я замираю, а Медведь встает на ноги и потягивается.

— У вас есть собака? — спрашиваю я.

Эдди снова улыбается, на этот раз шире, и мое сердце совершает кульбит в груди.

— Как раз собираюсь завести.

— 4 —

— С каких это пор у Эдди Рочестера есть собака?

Миссис Кларк — Эмили, как она попросила себя называть, — улыбается. Она всегда улыбается, наверное, чтобы показать свои идеальные виниры, которые, должно быть, обошлись в целое состояние. Эмили стройная, как миссис Рид, и такая же богатая, но вместо очаровательных свитеров она всегда носит дорогую спортивную одежду. Я не уверена, что Эмили действительно ходит в спортзал, но она все время делает вид, будто ждет начала занятий йогой. Сейчас в ее руках кофейный термос с монограммой, где ярко-розовым шрифтом на цветочном фоне выведена буква «Э», и я замечаю, что даже с улыбкой взгляд Эмили остается жестким. Жизнь в приемных семьях научила меня больше смотреть людям в глаза, чем слушать речи. Рты хорошо лгут, но глаза выдают правду.

— Он завел ее совсем недавно, — отвечаю я. — Кажется, на прошлой неделе.

Я точно знаю, что это произошло на прошлой неделе, потому что Эдди сдержал свое слово — он приобрел щенка ирландского сеттера, Адель, на следующий день после нашего знакомства. После этого я начала выгуливать ее и, видимо, попала на глаза Эмили, потому что этим утром она начала разговор с вопроса: «Чью это собаку ты вчера выгуливала?»

Эмили вздыхает и качает головой, уперев кулак в узкое бедро. Солнечный свет играет на ее кольцах, отбрасывая множество маленьких радуг на белые кухонные шкафчики; у Эмили много таких колец, так много, что все сразу и не поносишь.

Так много, что Эмили не заметила, как одно из них, с большим рубином, две недели назад пропало.

— Может быть, это утешит его, — говорит Эмили и наклоняется чуть ближе ко мне, словно делится секретом. — Его жена умерла, — произносит она почти шепотом. На слове «*умерла*» ее голос становится практически неслышным, словно стоит сказать это громче — и смерть тут же постучится в двери или что-то в этом роде. — Или, по крайней мере, мы так думаем. Никто не видел ее уже полгода, так что с ней точно что-то произошло.

— Я слышала об этом, — небрежно отвечаю я, будто сама прошлым вечером по возвращении домой не искала в Интернете информацию о Бланш Ингрэм, не сидела в темноте своей спальни, читая строки: «*Также пропала и предположительно мертва Беа Рочестер, основатель торговая империи “Сазерн-Мэнорс”*».

И будто потом я не искала в сети мужа Беа Рочестер. Эдварда. Эдди.

Радость, расцветающая в груди по мере чтения статьи, была темной и уродливой, той, что не должна была у меня возникать, но я все равно не могла заставить себя сопереживать утрате. Он свободен, она мертва, и теперь у меня есть повод видаться с ним каждую неделю. Повод бывать в этом великолепном доме, в этом великолепном районе.

— Это так *грустно*, — растягивая слова, продолжает Эмили, очевидно, решив выложить мне все.

Ее глаза блестят. Сплетни здесь валюта, и она явно собирается расщедриться.

— Беа и Бланш были *вот так*. — Скрестив указательный и средний пальцы, Эмили демонстрирует их мне. — Они были лучшими подругами. С самых, как говорится, пеленок.

Я киваю, как будто знаю, каково это — иметь лучшую подругу или сохранять отношения с кем-то *с пеленок*.

— У Эдди и Беа был дом на озере Смит, и Бланш с Триппом часто ездили туда с ними. Но мальчики отсутствовали, когда все случилось.

Мальчики. Словно речь идет о семиклассниках, а не о мужчинах за тридцать.

— Я даже не знаю, почему они взяли лодку, ведь Беа не очень любила такое развлечение. Вот Эдди оно нравилось, но, держу пари, он больше никогда не сядет в лодку.

Эмили снова смотрит на меня, ее темные глаза слегка прищурены, и я понимаю, что она хочет от меня что-то услышать или увидеть на моем лице шок или даже нарастающее любопытство. Не очень-то весело распускать сплетни, если на лице собеседника читается скука, вот почему я сохраняю равнодушный вид, проявляя не больше интереса, чем если бы мы говорили о погоде. Приятно наблюдать, как она пытается добиться от меня реакции.

— Все это звучит ужасно, — выдаю я.

Понизив голос, Эмили наклоняется еще ближе:

— Никто до сих пор толком не знает, что произошло. Лодку обнаружили посреди озера, дрейфующей. Вещи Бланш и Беа по-прежнему лежали в доме. Полиция считает, что они, должно быть, слишком много выпили и решили взять лодку, но потом упали за борт. Или одна упала, а другая пыталась помочь ей. — Еще одно покачивание головой. — Это очень, очень грустно.

— Точно, — соглашаюсь я.

На этот раз притворяться равнодушной немного сложнее. Есть что-то в этом мысленном образе: лодка на темной воде, одна женщина тщетно пытается забраться на борт, другая наклоняется, чтобы помочь ей, но тоже падает... Это никак не отражается на моем лице, и потому улыбка моей собеседницы теперь больше похожа на гримасу. Эмили как-то механически пожимает плечами, сообщая:

— Что ж, это известие огорчило всех нас, правда. Большой удар для всей округи. Трипп сейчас в таких *растрепанных чувствах*, но, я думаю, ты и сама это знаешь.

И снова я ничего не говорю. *Растрепанные чувства* — наименее подходящее определение для того, что происходит с Триппом. Как раз на днях он спросил, не смогу ли я упаковать для него вещи его жены, раз уж он сам не может заставить себя это сделать. Я собиралась отказать, потому что считала гребаным кошмаром задерживаться в этом доме еще на какое-то время, но Трипп предложил заплатить мне вдвое больше, поэтому я взяла паузу, чтобы обдумать его предложение.

Я просто смотрю на Эмили с вежливым выражением на лице. Наконец она вздыхает и говорит:

— В любом случае, если Эдди завел собаку, возможно, это признак того, что он пытается жить дальше. Похоже, он оправился от горя быстрее Триппа, но Эдди и не зависел от Беа так, как Трипп от Бланш. Клянусь, тот парень не мог и в туалет сходить без разрешения Бланш. Эдди с Беа так себя не вел, но, бог свидетель, ее смерть его подкосила.

Темные волосы Эмили скользят по лопаткам, когда она поворачивает голову, чтобы взглянуть на меня.

— Он был без ума от нее. Мы *все*.

Я сглатываю горечь, вспоминая фотографию Беа Рочестер, увиденную мной на ноутбуке. Она была ослепи-

тельно красива, но и Эдди — привлекательный мужчина, гораздо красивее большинства здешних мужей, так что неудивительно, что они составляли прекрасную пару.

— Думаю, это была очень большая потеря, — произношу я.

Эмили наконец-то отпускает меня и собак, помахав рукой.

— Меня может не быть дома, когда ты вернешься, так что просто закрой их в клетке в гараже.

Я вывожу Майора и Полковника на прогулку и, конечно же, по возвращении не обнаруживаю на месте внедорожника Эмили. Крохотные пушистые тельца собак дрожат от возбуждения, пока я запираю их в клетке. Майор и Полковник самые маленькие из всех, кого я выгуливаю, и они, как мне кажется, меньше всего получают удовольствие от физических нагрузок.

— Разделяю ваши чувства, ребята, — говорю я им, задвигая щеколду и глядя, как Майор забирается в собачью постель, которая стоит больше, чем я зарабатываю за пару недель.

Вот почему я не испытываю больших угрызений совести, снимая с его ошейника серебряный собачий жетон и пряча его в карман.

— 5 —

— Ты до сих пор не внесла свою половину арендной платы.

Сидя на диване, я поднимаю взгляд. Я вернулась домой всего десять минут назад и надеялась, что сегодня мы с Джоном разминемся. Он работает офис-менеджером в местной церкви плюс состоит в Молодежном музыкальном служении, что бы это ни значило на самом

деле, — я никогда не была ярой прихожанкой, — и его график, к моей досаде, постоянно меняется. Это далеко не первый раз, когда я возвращаюсь домой и сталкиваюсь с Джоном на кухне, и вот он стоит, прислонившись бедром к тумбе, с моим йогуртом в руке. Он постоянно съедает мои продукты, сколько бы я ни подписывала их своим именем или где бы ни пыталась спрятать их в нашей, по общему признанию, крошечной кухне. Такое впечатление, словно в этой квартире нет ничего лично моего, поскольку Джон поселился в ней первым, а потом уже разрешил и мне пожить здесь. Он без стука распахивает дверь моей спальни, пользуется моим шампунем, ест мою еду, «одалживает» мой ноутбук. Джон тощий и низкорослый, какой-то недомерок на самом деле, но иногда мне кажется, что он заполняет собой все пространство на наших общих шестидесяти пяти квадратных метрах.

Еще одна причина, по которой я хочу выбраться отсюда.

Проживать с Джоном я планировала лишь временно. Было рискованно возобновлять общение с кем-то, кто знал мое прошлое, но я решила, что могу использовать квартиру Джона как перевалочный пункт на месяц или, на худой конец, на полтора, пока не решу, что делать дальше.

Но с тех пор прошло полгода, а я по-прежнему живу здесь.

Сняв ноги с кофейного столика, я встаю и роюсь в кармане в поисках пачки двадцаток, которую сунула туда днем после посещения ломбарда. Я не всегда сбываю с рук добытое — в конце концов, сами по себе деньги никогда не имели для меня значения, — мне больше приносит удовольствие *обладание* вещью и уверенность, что никто не хватится пропажи. Это дарит

ощущение некоего выигрыша. Но доход от выгула собак еще не в полной мере покрывает все мои расходы, поэтому сегодня я вытащила одинокую бриллиантовую серьгу миссис Рид из груды сокровищ на своем комодe. Пускай я не получила за украшение сумму даже близкую к его истинной стоимости, денег хватает на оплату моей половины этой дерьмовой бетонной коробки.

Сунув деньги в свободную руку Джона, я притворяюсь, что не замечаю его попытки задержать мои пальцы в своей ладони. Я — еще одна вещь в этой квартире, которую Джон присвоил бы при первой возможности, но мы оба делаем вид, что не знаем этого.

— Как продвигается дело с выгулом собак? — спрашивает Джон, когда я возвращаюсь на наш унылый диван.

В уголке его рта осталась капелька йогурта, но я не собираюсь сообщать об этом. Вероятно, он проходит с этой капелькой весь день, и она засохнет, превратившись в корку, которая отпугнет какую-нибудь девушку из Студенческого баптистского центра, где Джон служит на добровольных началах несколько вечеров в неделю. Я уже чувствую солидарность с ней, с этой незнакомой мне девушкой, с моей духовной сестрой по Смутному Отвращению к Джону Риверсу. Наверное, именно это вызывает у меня улыбку, когда я сажусь обратно на диван, вытаскивая из-под себя старое афганское одеяло.

— Все отлично, на самом деле. У меня появилось несколько новых клиентов, так что работы хватает.

Джон скребет ложкой по стенкам пластиковой баночки с йогуртом — моим йогуртом — и смотрит на меня сквозь темные пряди волос, свисающие на один глаз.

— Клиенты, — фыркает он. — Звучит так, будто ты проститутка.

Только Джон может попытаться пристыдить девушку за такое полезное занятие, как выгул собак, но я отмахиваюсь от этого. Если все и дальше будет складываться так же хорошо, скоро мне не придется жить здесь с ним. Скоро у меня появится собственное жилье с моими собственными вещами и моим собственным йогуртом, который я, черт возьми, лично съем.

— Может, я и проститутка, — отвечаю я и беру пульт с кофейного столика. — Может, именно этим я и занимаюсь на самом деле, а тебе просто говорю, что выгуливаю собак.

Я поворачиваюсь на диване, чтобы взглянуть на Джона: он по-прежнему стоит у холодильника, но теперь голова опущена, а глаза настороженно следят за мной. Это побуждает меня зайти еще дальше, и я продолжаю:

— Возможно, сейчас у тебя в кармане лежат деньги, полученные за минет, Джон. Что бы сказали на это баптисты?

Джон вздрагивает от моих слов и тянет руку к карману, то ли чтобы коснуться денег, то ли чтобы попытаться скрыть стояк, который у него наверняка возник, когда я сказала слово «минет». *Эдди не съезжился бы от такой шутки*, внезапно приходит мне в голову. *Эдди бы рассмеялся. Его глаза только ему присущим образом стали бы более яркими, более голубыми, и все потому, что ты его удивила. Как случилось, когда ты заметила, что у него есть книги.*

— Ты должна пойти со мной в церковь, — произносит Джон. — Можно пойти сегодня.

— Ты работаешь в офисе при церкви, — напоминаю я, — а не в самой церкви. Не уверена, что мне будет полезно взглянуть, как ты подшиваешь старые бюллетени.

Обычно я так открыто не грублю Джону из опасения, что он может выгнать меня, так как формально

квартира полностью принадлежит ему, но сейчас ничего не могу с собой поделаться. Наверное, так на меня повлиял тот день, проведенный на кухне у Эдди; я много раз начинала все сначала и научилась распознавать предвестники перемен. Полагаю, *уверена*, что мне недолго осталось жить в этой дерьмовой клетушке с этим дерьмовым человеком.

— Ты стерва, Джейн, — угрюмо бормочет Джон, он выбрасывает пустую баночку из-под йогурта и, не сказав больше ни слова, выскальзывает за дверь.

После его ухода я роюсь в кухонных шкафчиках в поисках еды, которую Джон не съел. К счастью, у меня остались две упаковки с макаронами быстрого приготовления, и я разогреваю их обе, вывалив содержимое в одну миску, а затем устраиваюсь с ноутбуком и начинаю поиски информации о Беа Рочестер. Не вижу смысла тратить много времени на статьи о ее смерти: я слышала сплетни, и, честно говоря, история кажется мне довольно простой — две дамы перебрали в своем шикарном летнем доме, сели в свою шикарную лодку, а затем их постигла очень шикарная смерть. Печально, но не совсем трагедия. Нет, меня больше интересует *жизнь* Беа Рочестер. Что в ней заинтересовало такого мужчину, как Эдди? Кто она такая, как складывались их отношения?

Первым делом я захожу на сайт ее компании. «*Са-зерн-Мэнорс*».

— Ничто так не говорит о компании из списка самых доходных, как неудачный каламбур², — бормочу я, накаливая на вилку макароны.

² «Southern Manors» в переводе означает «Помесья Юга». Каламбур, очевидно, заключается в отсылке к южным штатам США, где долгое время не признавали Прокламацию об освобождении рабов и сохраняли рабовладельческий строй.

На главной странице сайта размещено обращение, и я сразу же опускаю взгляд посмотреть, не написал ли его Эдди, но автор не он. Там указано другое имя — Сьюзен, очевидно, заместитель Беа. В обращении типичные фразы, которые положено писать, когда основатель компании внезапно умирает: как все опечалены, какая это потеря, как компания будет продолжать свое дело, сохраняя наследие основательницы, и так далее и тому подобное. Интересно, что это за наследие, в самом деле, продавать по завышенной цене сладкое дерьмо.

Переходя со страницы на страницу, я разглядываю дорожные стеклянные банки для консервирования, свитера стоимостью в пятьсот долларов с аккуратно вышитой в левом углу надписью «ПРИВЕТ ВСЕМ!», серебряные щипцы для салата с ручками в форме пчел. На этом сайте так много клетчатых узоров, словно здесь разорвало Дороти Гейл³, но я не могу перестать рассматривать товары, открывая один за другим. Собачьи поводки с монограммой. Кованые жестяные лейки. Огромная стеклянная чаша в форме надкусанного яблока. Все это дорогое, но бесполезное дерьмо, вроде того, что стоит на подарочных столах на каждой свадьбе людей из высшего общества в Бирмингеме. Я наконец отрываюсь от разглядывания вакханалии дороговизны и сладковости и возвращаюсь на главную страницу, чтобы снова посмотреть на фотографию Беа Рочестер.

Она стоит перед обеденным столом из светлой искусственно состаренной древесины. Хотя мне не довелось побывать в столовой Рочестеров, я сразу же догадываюсь, что фотография сделана там, и если бы я прогулялась по дому, то нашла бы эту комнату. В ней ощущается та же атмосфера, что и в гостиной, — мебель подобрана

³ Дороти Гейл — главная героиня книг сказочного цикла о Стране Оз, написанных Лайменом Фрэнком Баумом.

не комплектом, но каким-то образом все сочетается, от украшенных цветочным рисунком бархатных чехлов на сиденьях восьми стульев до оформленной в оранжево-бирюзовых тонах центральной части комнаты, которая бросается в глаза на фоне штор цвета баклажана. Беа тоже притягивает взгляд, ее темные волосы подстрижены чуть выше плеч и уложены в блестящий длинный боб. Она скрестила руки на груди, слегка склонила голову набок и улыбается в камеру, а ее помада — самого красивого оттенка красного, который мне когда-либо встречался. На ней темно-синий свитер, прихваченный на талии тонким золотым пояском, и юбка-карандаш в синюю и белую клетку. В таком наряде Беа умудряется выглядеть милой и сексуальной одновременно, и во мне почти сразу же вспыхивает ненависть к ней.

А также желание узнать о ней все.

Я снова погружаюсь в просторы Интернета, пока мои макароны быстрого приготовления застывают в миске на исцарапанном и разбухшем от воды кофейном столике Джона. Пальцы порхают по клавиатуре, взгляд и разум впитывают подробности жизни Беа Рочестер — правда, их не так много, как хотелось бы. На самом деле Беа не была знаменитостью; казалось, людей больше интересовала ее компания, вещи, которые можно там купить, в то время как сама Беа словно бы держалась в стороне. Мне удается отыскать лишь одно интервью — для журнала «*Southern Living*»⁴, само собой разумеется. На прилагаемой фотографии Беа сидит за другим обеденным столом — ну серьезно, эта женщина вообще бывала в остальных комнатах? — на этот раз в желтом наряде. Возле ее

⁴ «*Southern Living*» — это журнал о стиле жизни, ориентированный на читателей Южных Соединенных Штатов, в котором представлены рецепты, планы домов, планы садов и информация о южной культуре и путешествиях.

локтя стоит хрустальная ваза с лимонами, а в руке она небрежно держит эмалированную кофейную кружку с изображением букета ромашек.

Описание жизни — сплошная заказная статья. Беа выросла в Алабаме, один из ее предков был сенатором в 1800-х годах, семья владела роскошным домом в каком-то местечке под названием Калера, но дом сгорел несколько лет назад. К всеобщему огорчению, ее мать скончалась вскоре после того, как Беа основала «Сазерн-Мэнорс», и с тех пор Беа «делала все в память о ней». Я пробегаю взглядом уже знакомые детали — обучение в частном колледже Рэндольфа-Мэйкона, возвращение в Бирмингем, развитие бизнеса, — пока наконец не останавливаюсь на имени Эдди.

Три года назад Беа Мейсон познакомилась с Эдвардом Рочестером во время отдыха на Гавайях.

— Я определенно не собиралась заводить отношения, — смеется она. — Просто хотела наслаждаться бездельем, читать книги и пить забавные коктейли со льдом. Но когда появился Эдди...

Сделав паузу, она слегка качает головой и залиვაётся румянцем.

— Меня словно закружило в вихре, но я не устану повторять, что брак с Эдди стал единственным импульсивным решением, принятым мной в жизни. К счастью, это также оказалось *лучшим* из когда-либо принятых мной решений.

Со вздохом я отстраняюсь от ноутбука, ощущая боль в спине и легкое онемение в ногах из-за того, что долго сидела в одной позе. Накидка, обернутая вокруг моих бедер, пахнет дешевым моющим средством, и я отталкиваю ее, сморщив нос.

Гавайи. Почему от этого все выглядит только хуже? Почему мне хотелось бы, чтобы они познакомились в церкви, или в загородном клубе, или в одном из пяти тысяч других скучных и безопасных мест в округе?

Потому что я не хотела, чтобы это было что-то особенное. Я не хотела, чтобы она была какой-то особенной.

Но она — особенная. Красивая, умная и миллионерша. Женщина, которая создала что-то свое, пусть даже благодаря семейному состоянию и такому происхождению, которое позволило достичь всех благ намного проще, чем это получилось бы у кого-то вроде меня. Я снова смотрю на фотографию, пытаюсь представить, как звучал голос Беа, какого она была роста, как они с Эдди смотрелись вместе. Великолепно, ясное дело. Сексуально. Но улыбались ли они друг другу? Свободно ли касались друг друга: его рука на ее талии, ее рука на его плече? Ласкали ли друг друга украдкой: прикосновения рук под столом, известные лишь им двоим тайные знаки? Должно быть, так. Брак был именно таким, хотя мне редко доводилось видеть удачные браки.

Итак, Беа Рочестер была совершенством. Идеальный магнат, идеальная женщина, идеальная жена. Возможно, она даже никогда не слышала о макаронах быстрого приготовления и не видела ломбард изнутри.

Но у меня было одно преимущество перед ней. Я была все еще жива.

— 6 —

На следующее утро я прихожу, чтобы выгулять Адель, а Эдди нет дома. Его гараж пуст, и, выводя щенка с заднего двора, я твержу себе, что вовсе этим не огорче-

на. Торнфилд-Эстейтс расположен на небольшой возвышенности от Маунтин-Брук, где я раньше работала, так что сегодня утром я решаю прогуляться туда. Адель радостно семенит маленькими лапками, пока мы покидаем привычный район. Кажется, что я принимаю такое решение, так как устала гулять по одним и тем же улицам, но истинная причина — желание быть увиденной. Я хочу, чтобы люди, которые не знают о моей работе по выгулу собак, заметили меня с питомцем Эдди и подумали, что мы как-то связаны. Эта мысль заставляет меня держать голову выше, пока я минуя «Жареное зерно» и маленький бутик, где продаются вещи, в которых я распознаю подделки продукции «Сазерн-Мэнорс». Я прохожу мимо трех магазинов с пестрыми стегаными сумками в витринах и пытаюсь представить, сколько таких сумок хранится в шкафах в Торнфилд-Эстейтс. Каково это — быть женщиной, потратившей двести пятьдесят долларов на уродливую сумку только потому, что может себе это позволить?

Рядом трусит Адель, постукивая коготками по тротуару. Я уже собираюсь повернуть к книжному магазину, когда вдруг слышу:

— Джейн?

Миссис Макларен — ее далматинца, Мэри-Бет, я выгуливаю каждую среду — стоит передо мной со стаканчиком кофе из «Жареного зерна». Как и Эмили Кларк, она почти всегда одета в подобранную со вкусом форму для йоги, но ее рост меньше, а фигура пышнее, чем у Эмили или у миссис Рид; по меньшей мере четыре оттенка блонда угадываются в волосах, локонами обрамляющих лицо.

— Что это вы вдвоем здесь делаете? — Она спрашивает об этом с улыбкой, но я вдруг заливаюсь краской, словно поймана на чем-то нехорошем.

— Смена обстановки, — отвечаю я, робко пожимая плечами.

Я надеюсь, что ответ окажется исчерпывающим, но миссис Макларен подходит ближе, глядя на Адель.

— Милочка, думаю, небезопасно выгуливать собак за пределами района. — Она говорит приторным, воркующим голоском, и из-за этого во мне поднимается ненависть. Можно подумать, я ребенок. Или, что еще хуже, служанка, которая без спроса вышла за пределы хозяйского двора.

— Мы ушли недалеко от дома, — говорю я. Адель рядом со мной скулит и виляет хвостом, натягивая поводок.

Дома.

Миссис Макларен делает еще шаг. На ее запястье покачивается сумка для покупок с логотипом одного из тех маленьких бутиков, мимо которых я только что прошла. Я задаюсь вопросом, что же лежит в этой сумке; как хочется лишь глазком взглянуть на ее содержимое, а потом, в доме, что-нибудь взять оттуда. Глупое, мелочное желание, произвольный порыв, я знаю, но от него не отделаться, он настойчиво пульсирует, бьется под самой кожей. Что бы эта стерва ни купила сегодня, у нее этого не останется. Только не после того унижения, что я испытываю благодаря ей.

— Ладно, тогда, может, вы поторопитесь обратно? — Лишь интонация указывает на то, что это вопрос. — И, дорогуша, пожалуйста, никогда не выводи Мэри-Бет за пределы нашего района, хорошо? Она легковозбудимая, а мне бы не хотелось, чтобы она оказалась среди всей этой... — Миссис Макларен делает взмах рукой, сумка снова подпрыгивает на ее запястье. — Суеты.

За все утро мимо проехало самое большее три машины, и единственной *суетой* стала сама миссис Макларен, остановившая меня как преступницу, за выгул со-

баки за воротами Торнфилда. Но я киваю. Я улыбаюсь. Я сдерживаю яд, переполняющий мой рот, потому что достаточно в этом поднаторела, и возвращаюсь в Торнфилд-Эстейтс, к дому Эдди.

Внутри прохладно и тихо. Я наклоняюсь, чтобы отстегнуть поводок Адель; ее когти скользят сначала по мрамору, потом по твердой древесине, пока она идет к раздвижным стеклянным дверям во двор, и я, последовав за ней, открываю их, чтобы выпустить ее. Остается лишь повесить ее поводок на крючок у входной двери и, быть может, оставить записку для Эдди, что я приходила, что Адель во дворе, а затем уйти. Вернуться в бетонную коробку на улице Сен-Пьер, поразмыслить еще раз о том, не сдать ли экзамены для поступления на последипломный курс в университете, или, как вариант, перебрать сокровища из чужих комодов, туалетных столиков, прикроватных тумбочек.

Вместо этого я иду в гостиную, где стоят кресла с цветочным узором и диван ярко-клюквенного цвета, есть полки с множеством книг. Осматриваюсь по сторонам — в кои-то веки я не ищу, что забрать, и не знаю, что это нежелание тащить вещи именно из этого дома говорит обо мне, об Эдди или о том, что я, возможно, чувствую к нему. Я просто хочу *узнать* его поближе. Выяснить о нем что-нибудь.

На самом деле, если быть честной с самой собой, я хочу увидеть его фотографии с Беа.

В гостиной их нет, но на стене видны места, где должно быть, они висели, да и каминная полка подозрительно пустая, что наталкивает на мысль — когда-то на ней стояло что-то еще кроме пары серебряных подсвечников.

Сопровождаемая скрипом кроссовок, я прохожусь по коридору, подмечая еще больше пустот, и поднимаю

юсь наверх. Твердое дерево кажется мягким под ногами; на лестнице нет пустых пятен, лишь изящные произведения искусства. На лестничной площадке стоит стол со стеклянной чашей в форме яблока — творение из «Сазерн-Мэнорс». Погладив ее, я двигаюсь дальше, по более короткой лестнице, на второй этаж.

Здесь царит полумрак: свет выключен, а утреннее солнце еще недостаточно высоко, чтобы его лучи могли проникнуть в окна. Тут кругом двери, но я не пытаюсь их открыть и вместо этого приближаюсь к маленькому деревянному столику под круглым витражным окном в конце коридора. Единственный предмет на нем — фотография в серебряной рамке. Как раз то, что я жаждала увидеть, и в то же время лучше бы вообще никогда не видела.

Мне было интересно, как Беа и Эдди смотрелись вместе, и теперь я знаю. Они прекрасная пара. Но дело не только во внешности. Многие люди красивы, особенно проживающие в этом районе, где каждый может позволить себе должный уход, так что дело не в идеальных волосах и безупречной фигуре Беа, не в ее яркой улыбке и дизайнерском купальнике. Дело в том, что они выглядят так, словно *подходят друг другу*. На фотографии оба позируют на красивом пляже, Беа улыбается в камеру, Эдди улыбается ей. Каждый из них нашел свою вторую половину — то, что большинство из нас ищет и никогда не находит, то, чего, как мне казалось, не существует, ведь как в таком огромном мире можно отыскать человека, который подходит именно тебе? Но Беа подходила Эдди, теперь я это вижу и внезапно чувствую себя глупой и маленькой. Конечно, Эдди флиртовал со мной, но он, вероятно, из тех парней, для которых флирт — вторая натура. У него было *все это*. Он определенно не захотел бы меня.

— Она сделана на Гавайях.

Я резко оборачиваюсь, выронив ключи из онемевших пальцев. Эдди стоит в коридоре, на самом верху лестницы, прислонившись к стене и заведя ногу за ногу; сегодня он одет в джинсы и синюю рубашку на пуговицах, которая выглядит просто, но, вероятно, стоит целое состояние.

Покачивая солнечные очки в руке, Эдди кивает на столик.

— Эта фотография... — поясняет он, — это мы с Беа отдыхали на Гавайях в прошлом году. Вообще-то мы там и познакомились.

Сглотнув ком в горле, я засовываю руки в задние карманы джинсов и расправляю плечи.

— Я просто искала туалет, — говорю я.

Эдди слегка улыбается.

— Ну конечно.

Он отталкивается от стены и приближается ко мне. Коридор просторный, залитый светом из окна над нами, но кажется, что пространство сжимается по мере того, как подходит Эдди.

— Это единственная фотография, от которой я не смог избавиться, — продолжает он. Я всей кожей ощущаю, что Эдди стоит совсем рядом, его локоть почти касается моего бока. — Остальные были в основном снимками с нашей свадьбы, да еще несколько фото с тех пор, когда мы строили этот дом. Но эта... — Замолчав, он берет рамку и разглядывает изображение. — Не знаю. Я просто не смог ее выбросить.

— Вы выбросили все остальные? — спрашиваю я. — Даже свадебные снимки?

Эдди с тихим стуком возвращает рамку на столик.

— Вообще-то сжег. На заднем дворе через три дня после случившегося.

— Мне так жаль, — тихо говорю я, стараясь не представлять, как Эдди стоит перед костром, в котором исчезают фотографии Беа.

Он вдруг бросает на меня взгляд чуть прищуренных голубых глаз.

— Не думаю, что вам на самом деле жаль, Джейн, — произносит он.

Во рту у меня становится сухо, а сердце колотится. Я жалею, что поднялась по лестнице в этот коридор, но в то же время так рада, ведь если бы я этого не сделала, мы бы сейчас не стояли здесь и Эдди не смотрел бы на меня так.

— То, что случилось, ужасно, — пытаюсь перефразировать я. Эдди кивает, но тут же тянется ко мне; его пальцы обхватывают мой локоть, и я опускаю взгляд на точку нашего соприкосновения, на его руку на своей коже.

— Ужасно, — эхом отзывается он, — но вам не жаль, ведь раз ее здесь нет, то можете быть вы. Со мной.

Мне хочется возразить, потому что Эдди думает обо мне ужасные вещи. Потому что ужасно *быть* такой. Но он прав — я рада, что Беа Рочестер в тот вечер села в лодку с Бланш Ингрэм. Я рада, потому что в итоге Эдди остался один.

Свободен.

Мне следовало бы устыдиться того, что он видит во мне такое, но я лишь испытываю головокружение.

— Я не *с вами*, — возражаю я, и это правда. Мы можем стоять здесь, рука об руку, но мы не вместе. Меня от Эдди Рочестера по-прежнему отделяет гребаная пропасть.

Но он дарит мне свою ленивую улыбку лишь одним уголком рта, и она делает его моложе и обаятельнее.

— Поужинайте со мной сегодня, — говорит он.

Мне нравится, что это звучит не как вопрос.

— Да, — будто со стороны слышу я свой голос, и все складывается очень просто.

Не сложнее, чем войти в дверь.

— 7 —

Я не позволила ему заехать за мной — было бы безумием допустить, чтобы Эдди увидел, где я на самом деле живу. От одной лишь мысли о том, что он столкнется с Джоном, меня бросает в дрожь. Нет, я хочу существовать только в мире Эдди, словно явилась из ниоткуда, непостижимая и полностью сформировавшаяся личность. В общем-то это действительно так.

Итак, мы с Эдди встречаемся в Английском селении, той части Маунтин-Брук, где я еще не бывала, но слышала о ней от Эмили. В Маунтин-Брук много «селений»: селение Кахаба, селение Овертон и сам Маунтин-Брук. Мне всегда казалось глупым использовать слово «селение» для обозначения *разных частей одного и того же населенного пункта* — просто используйте слово «район», вы, пафосные придурки, мы же не живем в английской глуши, — но кому интересно, что я думаю?

Я паркуюсь подальше от французского бистро, где у Эдди заказан столик, молясь, чтобы после ужина он не предложил проводить меня до машины, и встречаю его под навесом в черно-золотую полоску у входа в заведение. На Эдди угольно-черные брюки и белая рубашка — прекрасное дополнение к моему темному платью цвета баклажана. Его теплая рука лежит у меня на пояснице, пока метрдотель провожает нас к столику.

Приглушенный свет, белые скатерти, бутылка вина. Больше всего мне бросается в глаза именно то, как

небрежно Эдди заказывает целую бутылку, пока я изучаю в меню стоимость бокала, ломая голову над тем, что выбрать, чтобы звучало изысканно, но не оказалось слишком дорого. Выбранная им бутылка стоит больше ста долларов; я краснею, когда думаю о том, что Эдди считает меня достойной таких трат. После такого, решительно отложив меню в сторону, я с радостью позволяю ему сделать заказ за меня.

— А если я выберу то, что тебе не понравится? — спрашивает он, а сам улыбается.

Кожа Эдди уже не кажется такой бледной, как в день нашего знакомства. Его голубые глаза больше не выглядят покрасневшими, и я задаюсь вопросом, не стала ли сама причиной его счастья. Это пьянящая мысль, еще более пьянящая, чем вино.

— Мне все нравится, — отвечаю я.

Я ни на что не намекаю, но так уж выходит, и, увидев, как темнеет ямочка на щеке Эдди, я задумываюсь, что же еще такого сказать, чтобы он продолжал так смотреть на меня. Его взгляд опускается ниже. Сначала мне кажется, что Эдди смотрит на низкий вырез моего платья, но затем он произносит:

— Какое у тебя ожерелье.

Твою ж мать.

Глупо было его надевать. Я очень редко совершаю безрассудные поступки, но, оглядываясь в зеркало перед выходом, показалась себе такой невзрачной без украшений. Цепочка, позаимствованная у миссис Макларен, не представляла собой ничего особенного — ни бриллиантов, ни драгоценных камней, лишь простая серебряная цепочка с маленьким кулоном из серебра и золота. Теперь я вдруг понимаю, что кулон выполнен в виде пчелы, и мой желудок сжимается, а пальцы комкают салфетку.

— Дружеский подарок, — поясняю я, стараясь выглядеть непринужденно, но сама невольно прикасаюсь к кулону, ощущая его тепло на своей груди.

— Красиво, — говорит Эдди и отводит взгляд. — Компания моей покойной жены производит нечто подобное, так что...

Запнувшись, Эдди начинает барабанить пальцами по столу.

— Сочувствую, — с сожалением говорю я. — Я... Я слышала про «Сазерн-Мэнорс», и это...

— Давай не будем об этом. О ней.

Эдди вскидывает голову, застывшая на губах улыбка выглядит натянутой, и мне хочется потянуться через стол и взять его за руки, но мы еще не настолько близки, не так ли? Я хочу расспросить его обо всем, что касается Беа, и одновременно забыть о том, что она была на свете.

Хочу. Хочу.

Официант подходит к столику с бутылкой дорогого вина, и я улыбаюсь Эдди.

— Тогда давай поговорим о тебе.

Вскинув брови, Эдди откидывается на спинку сиденья.

— Что ты хочешь знать? — спрашивает он.

Я делаю паузу, пока официант наливает порцию вина для дегустации в бокал Эдди, затем жду, пока Эдди сделает глоток, кивнет и жестом попросит наполнить наши бокалы. Такое я видела только в фильмах или в реалити-шоу о богатых домохозяйках, и теперь это происходит со мной. Теперь я одна из тех, кто так ужинает.

Когда наши бокалы наполнены, я имитирую позу Эдди, откидываясь назад.

— Где прошло твое детство?

— В штате Мэн, — спокойно отвечает он, — в маленьком городке под названием Сирспорт. Моя мама до сих

пор живет там, как и брат. Но я уехал оттуда, как только выдалась возможность. Учился в колледже в Бангоре. — Эдди потягивает вино, глядя на меня. — Ты когда-нибудь бывала в штате Мэн?

— Нет, — качаю я головой. — Но в подростковом возрасте я прочла много книг Стивена Кинга, поэтому подозреваю, что имею представление о том, что это за штат.

В ответ Эдди смеется, как я и надеялась.

— Ну, там не так много кладбищ домашних животных и клоунов-убийц, но в основном все совпадает.

Наклонившись вперед, я складываю руки на столе, не упустив из виду, как взгляд Эдди скользит от моего лица к вырезу платья. Мужчины часто бросают на меня такие беглые взгляды, но от Эдди я не воспринимаю это как нечто пугающее или нежеланное. Мне даже нравится, когда он на меня смотрит.

Еще одно новое открытие.

— Наверное, жизнь здесь — это огромная перемена для тебя, — замечаю я. Эдди пожимает плечами.

— После колледжа я много раз переезжал. Работал с другом, занимаясь перепродажей домов по всему Среднему Западу. Поселился на некоторое время в Калифорнии — там я впервые получил лицензию подрядчика. Думал, что останусь там навсегда, но потом поехал в отпуск и...

Он замолкает, и я оживляюсь, не желая, чтобы вновь повисла напряженная тишина.

— Ты когда-нибудь думал о возвращении?

Удивленный, Эдди наливает себе еще немного вина.

— В Мэн?

— Или в Калифорнию, — пожимаю я плечами.

Меня удивляет, почему Эдди остался жить в месте, с которым его связывает так много плохих воспомина-

ний, в месте, где он кажется белой вороной, совсем слегка, но все же выделяется, даже с учетом денег и дорогой одежды.

— Ну, здесь расположен головной офис «Сазерн-Мэнорс», — отвечает Эдди. — Я мог бы заниматься подрядами где-нибудь в другом месте, но Беа очень хотела, чтобы «Сазерн-Мэнорс» базировалась в Алабаме. Это выглядело бы... не знаю. Как предательство, наверное. Если бы я перенес предприятие в другое место. Или продал. — Выражение его лица немного смягчается. — Это ее наследие, и я чувствую себя ответственным за его сохранение.

Я киваю, радуясь тому, что как раз сейчас нам приносят еду и этот разговор может завершиться сам по себе. Я уже поняла, насколько важна для Эдди компания «Сазерн-Мэнорс»: во время поисков в Интернете я нашла статьи о том, как спустя всего несколько месяцев после исчезновения Беа Эдди боролся за получение судебного ордера, официально подтверждающего ее смерть. Статьи были как-то связаны с «Сазерн-Мэнорс», и в них содержалось множество непонятных мне деловых и юридических терминов, но я ухватила суть — Беа должна была считаться мертвой на бумаге, чтобы Эдди возглавил компанию и управлял ею так, как хотела бы жена. Интересно, что он почувствовал, объявив о смерти жены таким официальным, окончательным образом?

Разрезая бифштекс, Эдди с едва заметной улыбкой бросает на меня взгляд.

— Довольно обо мне. Я хочу послушать о тебе.

Я начинаю травить милые байки, изображая жизнь Джейн в лестном свете. Некоторые из историй реальны (средняя школа в Аризоне), некоторые — наполовину, а иные позаимствованы у друзей. Эдди, кажется, слу-

шает с удовольствием, улыбаясь и кивая во время еды, и к моменту, когда приносят счет, я чувствую себя более расслабленной и уверенной, чем представляла себя на этом свидании.

Когда наступает пора уходить, Эдди берет мою руку и кладет ее на сгиб своего локтя, а затем мы выходим из ресторана.

Это смешно, я знаю. Я — здесь, с ним. Я — идущая с ним под руку. Я — в его жизни. Но все же это так, и, когда мы выходим к тротуару, я поднимаю голову выше и держусь ближе к Эдди, касаясь его бедра краем платья. Ночь теплая и влажная, мои волосы вьются вокруг лица, фонари отражаются в лужах и ямках. Я гадаю, поцелует ли меня Эдди, попросит ли остаться у него на ночь. По просьбе Эдди нам завернули с собой кусок пирога — я представляю, как мы вдвоем едим его на той великолепной кухне. Или в постели. Может быть, Эдди именно для этого заказал пирог? Я фантазирую, как захожу в его дом ночью, как красиво будут смотреться в темноте точечные светильники. Как будет выглядеть задний двор, когда взойдет солнце. Как пахнут его простыни и каково на них лежать, каково это — просыпаться в его доме.

— Ты что-то притихла, — замечает Эдди, привлекая меня ближе, и я приподнимаю голову, чтобы улыбнуться ему.

— Могу я быть честной?

— Может, лучше не надо?

Я слегка толкаю его, ощущая локтем твердое и теплое тело.

— Я думала о том, как давно не была на свидании.

— Я тоже, — отвечает Эдди.

В свете уличных фонарей он красив до боли в груди, пальцы скользят по мягкой ткани его куртки, дорогой

и хорошо сшитой. Эта куртка выглядит лучше, чем любая моя одежда.

— Я... — начинаю я, и Эдди поворачивает голову. Мне приходит на ум мысль, что он мог бы поцеловать меня прямо здесь, на улице в Английском селении, где нас любой может увидеть, но тут фантазии прерывает незнакомый голос.

— Эдди!

Мы почти одновременно оборачиваемся и видим на тротуаре человека, похожего на Триппа Ингрэма, или Мэтта Макларена, или Сола Кларка, или любого другого бесцветного парня из Торнфилд-Эстейтс. Его лицо кривится, выказывая сочувствие, губы поджаты, а брови нахмурены; редящие светлые волосы кажутся рыжими в уличном вечернем свете. Когда он тянет руку для рукопожатия, я замечаю блеск обручального кольца.

— Рад тебя видеть, приятель, — говорит незнакомец. — И прими мои глубокие соболезнования насчет Беа.

Я чувствую, как Эдди напрягся.

— Крис, — произносит он, пожимая парню руку. — Я тоже рад тебя видеть. И спасибо за цветы.

Крис лишь качает головой в ответ. На нем светло-серый костюм, а позади у тротуара припаркован «Мерседес». Сидящая на пассажирском сиденье женщина наблюдает за нами, и я чувствую, как ее взгляд останавливается на мне. Усилием воли я сдерживаю порыв одернуть подол платья, единственной нарядной вещи в моем гардеробе.

— Ужасно, просто ужасно, — продолжает Крис, как будто собеседник не знает, что в смерти жены нет ничего хорошего, но Эдди лишь морщится и кивает.

— Еще раз спасибо, — говорит он.

Кажется, сказать тут больше нечего, но тут Крис бросает на меня быстрый взгляд.

— Она была чертовски привлекательной женщиной, — добавляет он, и я чувствую, как его распирает от вопросов.

Кто я такая, черт возьми, неужели это свидание, неужели Эдди всерьез собирается заменить Беа мной, этой бледнокожей некрасивой девушкой, одетой в платье на размер больше необходимого?

— Да, — соглашается Эдди, и я жду, что он вот-вот меня представит.

Крис тоже этого ждет, но Эдди лишь с неловкой улыбкой крепко хлопает его по плечу.

— Увидимся, — говорит он. — Передавай Бет привет от меня.

Пока мы идем по тротуару, меня осеняет, что с момента появления Криса, с той минуты, как имя Беа скользнуло между нами подобно призраку, Эдди ни разу не взглянул на меня.

Он не предлагает проводить меня до машины.

И не целует на прощание.

— 8 —

Все в доме Ингрэма как будто ждет возвращения Бланш.

Появившись там следующим утром, я ощущаю себя грузной и заторможенной, вчерашнее неудачное свидание с Эдди тяжелым камнем сидит в груди. Почему-то мне кажется, что нынешний день как нельзя лучше подходит для того, чтобы по просьбе Триппа прийти и собрать вещи Бланш.

Прошлым вечером надо мной витал призрак Беа, сегодня — Бланш.

Прошло уже несколько месяцев с момента ее исчезновения, но одна из сумочек все еще стоит на столе в прихожей. Там же кучка драгоценностей: змеится колье, беспорядочно свалены кольца. Я представляю, как Бланш возвращается домой после ужина в каком-нибудь ресторане, снимает все эти украшения, небрежно бросает их на широкое стеклянное основание лампы, скидывает с ног туфли прямо под стол. Пара балеток в розовую клетку все еще лежит там. Бланш пропала в июле, и на ум приходит ее образ в подходящей по цвету блузке и белых капри. Местные женщины летом всегда ходят на цветы, они словно яркие всполохи красок на фоне неистово зеленых лужаек и ослепительно голубого неба. Это так непохоже на моду восточных штатов, где прошло мое детство: там черный всегда был в почете. Здесь, кажется, даже на похоронах можно увидеть кого-нибудь в наряде сиреневого цвета, а невесты носят маково-красные свадебные платья.

Я никогда не пыталась взять ничего из вещей Триппа — поверьте, он бы заметил. В отличие от Эдди Трипп оставил все фотографии Бланш на виду. Я думаю, после ее смерти он даже добавил несколько снимков для всеобщего обозрения — похоже, все доступные поверхности забиты фотографиями в рамках. Как минимум на пяти из них запечатлен день свадьбы: белокурая Бланш улыбается, Трипп смутно напоминает ее брата, но тогда он был далеко не такой одутловатый и поникший, как теперь.

Войдя в дом, я нахожу Триппа в гостиной. Он сидит и держит в руке пластиковый стаканчик, наполненный льдом и янтарной жидкостью, и это уж точно не охлажденный чай. На часах половина десятого утра.

— Здравствуйтесь, мистер Ингрэм, — окликаю его я, позвякивая ключами в руке на случай, если он забыл,